
ИСПАНСКОЕ «ПРАВИТЕЛЬСТВО В ИЗГНАНИИ» (1945–1946): КРАХ АНТИФРАНКИСТСКОГО ПРОЕКТА

А.А. Сагомоян

Кафедра теории и истории международных отношений
Московский государственный лингвистический университет
ул. Остоженка, 38, Москва, Россия, 119992

В статье рассматривается история испанского эмигрантского правительства, созданного в 1945 г. политическими деятелями Второй испанской Республики, которая потерпела поражение в гражданской войне 1936–1939 гг. После разгрома фашистской Германии значительная часть испанской эмиграции рассчитывала на поддержку «мирового сообщества», прежде всего западных держав, для устранения диктаторского режима «прислужника Гитлера» генерала Франко. Большие надежды связывались также с только что созданной «организацией мира» – ООН. Однако раскол в самих эмигрантских политических кругах оказался непреодолимым, образованное правительство – малопредставительным, а его крах – неизбежным.

Ключевые слова: Испания, эмигрантское правительство, Х. Хираль, И. Прието, Х. Негрин, К. Эттли, Организация Объединенных Наций.

Великая победа 1945 г. не могла не всколыхнуть воспоминаний об имевшей в свое время огромный резонанс испанской гражданской войне, о ее трагических итогах, поражении в ней антифашистского лагеря. После разгрома Италии и Германии постановка вопроса об устранении их «прислужника» Франко и передаче власти демократическому правительству имела много сторонников во всем мире, особенно в «полевающей» Европе. Тем не менее формальных поводов для внешнего силового вмешательства в испанские дела не было. Правительства США и, особенно настойчиво, Великобритании отвергали подобный сценарий развития событий, хотя сам франкистский режим неоднократно осуждали.

Советский Союз, роль которого в период испанской гражданской войны хорошо известна и который по-прежнему поддерживал тесные связи с испанской компартией, был настроен более решительно. Конечно, СССР был бы весьма заинтересован в «восстановлении исторической справедливости». Кроме того, на советском фронте сражалась «добровольческая» испанская Голубая дивизия, т.е. для Москвы франкистская Испания была участницей войны и союзницей Гитлера.

Ситуация, казалось, благоприятствовала тому, чтобы на международной арене появился такой «актор», как испанская антифранкистская оппозиция, которая дожидалась своего часа в эмиграции. Разделенная на несколько враж-

дующих между собой секторов (включая коммунистов, пытавшихся организовать партизанское движение (1), социалистов, республиканцев, монархистов и др.), она не сумела сплотиться, стать влиятельной силой, предложить мировому сообществу убедительной альтернативы режиму Франко. Не было в ее рядах и какой-либо достаточно авторитетной фигуры, которая стала бы знаменем антифранкистского объединения испанцев внутри и вне страны.

Тем не менее в отдельные моменты она все-таки заявляла о себе, предлагала программы действий в расчете на международную поддержку, т.е. поддержку, прежде всего, держав-победительниц. Те, со своей стороны, следили за положением дел в испанских эмигрантских кругах и пытались, весьма осторожно, поддерживать контакты с близкими себе силами. В первую очередь это касается СССР и Франции, в меньшей степени – Великобритании (не исключавшей монархической альтернативы).

Что касается США, они не спешили связывать себя ни с одной из *реально действовавших* партий или организаций, ограничившись декларациями о желательности создания некоего постфранкистского временного правительства, которое должно получить «поддержку народа».

Таким образом, среди великих держав не было согласия ни относительно судьбы франкистского режима, ни того, что именно могло бы прийти ему на смену. В целом можно сказать, что отношение держав к испанским оппозиционным деятелям и институтам являлось индикатором их внешнеполитических целей и интересов в каждый конкретный момент. Это было ярко продемонстрировано, в том числе, и в Организации Объединенных Наций, обсуждавшей «испанский вопрос» в Совете Безопасности (май–июнь 1946 г.) и в Генеральной Ассамблее (декабрь 1946 г.).

Между тем с только что созданной ООН связывали свои собственные большие надежды многие испанские эмигрантские политические деятели, да и не только они. Эта организация представлялась некоей самостоятельной «верховой» силой, призванной установить новый, более справедливый мировой порядок...

После окончания гражданской войны около полумиллиона испанцев стали беженцами, обосновавшись во Франции, Мексике, СССР и других странах, причем сам выбор места пребывания во многом зависел от их политической ориентации. Обеспечение их спасения и выживания было невозможно без определенного политического «сочувствия» или расчета принимающей стороны. Так, США и Великобритания не проявили большого участия в судьбе изгнанников (исключение было сделано для некоторых представителей элиты), а те из них, кто намеревался прибыть в СССР, подвергались тщательной проверке и отбору и т.д. (2). Десятки тысяч бойцов республиканской армии и гражданских лиц перешли французскую границу, чтобы впоследствии оказаться в спецлагерях. Значительная их часть затем влилась в ряды французского Сопротивления.

В Англии находился глава последнего республиканского правительства Хуан Негрин, который олицетворял преемственность между эмигрантскими институтами и Второй республикой, но реального влияния не имел. Признание генерала Франко Лондоном и Парижем уже в феврале 1939 г. означало автоматический разрыв ими дипломатических отношений с потерпевшей поражение республиканской властью.

Негрин пользовался лишь частичной поддержкой и в самих эмигрантских кругах. Его главный политический противник – влиятельный социалист Индалесио Прието – еще летом 1939 г. сумел добиться объявления его полномочий недействительными собранием депутатов кортесов. Влияние Негрина было окончательно подорвано тем, что он в самом начале лишился материальных средств, которыми располагал как глава правительства, наладив отправку в Мексику испанских беженцев из Франции, он решил переправить туда же и материальные ценности, но там они попали в распоряжение Прието (3).

Весьма многочисленный контингент эмигрантов (по разным данным, от 20 до 50 тыс. чел.), в том числе известные республиканские политики, нашли прибежище в Мексике, при самой активной поддержке президента страны Ласара Карденаса (в 1990 г., во время официального визита в эту страну, король Хуан Карлос выразил за это особую признательность мексиканскому народу и правительству) (4). Среди них были бывшие депутаты кортесов, члены исполкомов различных партий и др. Самой видной и влиятельной фигурой здесь был уже упомянутый лидер умеренных социалистов Прието. Десятки тысяч испанцев обосновались и в других латиноамериканских странах.

Ориентирующееся на западные демократии крыло антифранкистской оппозиции – республиканцы, социалисты, автономисты (каталонцы, баски) – действовало политическими и дипломатическими методами, отвергая вооруженную борьбу с режимом Франко, которую пыталась развернуть компартия. Они считали необходимым и достаточным создать формально легитимный орган, который был бы признан мировым сообществом, причем переход к демократии предполагался без участия коммунистов. Но расколотая оппозиция, даже полностью отмежевавшись от коммунистов и готовых с ними сотрудничать элементов, с трудом находила общий язык. Тем не менее «республиканское правительство в изгнании» было создано. Его история оказалась недолгой, но драматичной.

Начало процесса относится к 1943 г., а импульсом к нему стало крушение итальянского фашизма. В октябре 1943 г. на собрании представителей республиканских и автономистских партий (при содействии Союза испанских профессоров в эмиграции) была принята Гаванская декларация. Она провозглашала приверженность принципам Атлантической хартии, законное право антифранкистских политических сил восстановить республику, призыв к созданию организации, которая *во взаимодействии с союзниками* освободит Испанию (5).

Следующим шагом, в ноябре 1943 г., стало создание Испанской хунты освобождения. Хунта декларировала, что ее цель – не только восстановить

республику, но и не допустить установления в Испании монархии, «возвращения к которой добиваются некоторые силы путем дипломатического давления из-за рубежа».

Со временем хунта стала претендовать на то, чтобы считаться главным органом испанской оппозиции, противовесом как монархической альтернативе, так и попыткам КПИ создать широкое политическое объединение под своей эгидой.

С тем, что Хунта игнорировала главу бывшего республиканского правительства Х. Негрина, была, однако, не согласна часть эмиграции, находившаяся во Франции. Хунту возглавили Д. Мартинес Баррио, бывший председатель кортесов, в качестве президента, и И. Прието в качестве секретаря.

Эта организация исходила из того, что сможет убедить «великие демократии» поддержать испанских политэмигрантов в их претензии на власть после свержения Франко – наряду с другими правительствами, насильно устраненными от власти державами «оси», в соответствии с одним из пунктов Атлантической хартии.

Значительная роль в этих планах отводилась также будущей «всемирной организации мира» – ООН, которая, как предполагалось, будет не только обеспечивать международную безопасность, урегулирование конфликтов и т.п., но и способствовать «подтягиванию» внутреннего устройства входящих в «мировое сообщество» государств к некоему (достаточно неопределенному) демократическому стандарту.

В январе 1945 г. по инициативе Хунты в Мехико состоялось заседание бывших депутатов кортесов. Присутствовало всего 76 депутатов из 470 (многие уже умерли; коммунисты и депутаты от Каталонии бойкотировали это мероприятие, остальные находились в других странах). Вряд ли в условиях эмиграции можно было собрать кворум, но безрезультатность собрания предопределило даже не его отсутствие, а позиция Прието, который заранее объявил все решения собрания недействительными, опасаясь «возрождения» правительства Негрина (6). Позже, однако, лидер социалистов смягчил свою позицию, убедившись, что Негрин не имеет абсолютной поддержки депутатов.

Испанская хунта освобождения (ИХО) представляла испанскую оппозицию на учредительной конференции ООН в Сан-Франциско (апрель–июнь 1945 г.), на которую собственно Испания не была приглашена, так как не отвечала условиям участия, выработанным в Ялте.

Вопрос о членстве Испании в «международной организации мира» был на конференции затронут косвенно, хотя и достаточно откровенно. Его поднял представитель Мексики Луис Кинтанилья (бывший в годы войны послом в Москве, где близко общался с некоторыми деятелями КПИ (7).

19 июня на заседании 1-го Комитета (Общих положений) Кинтанилья предложил резолюцию, гласившую, что государства, режимы которых были созданы при поддержке держав, воевавших против Объединенных Наций, не могут быть приняты в ООН (8). Практически единственным таким государ-

ством к тому времени оставалась Испания. Сам мексиканский делегат заявил, что его формулировка направлена, прежде всего, против таких правительств, как правительство генерала Франко. Резолюция была подготовлена с участием представителей ИХО. Она не встретила возражений в Комитете и по этой причине была принята без голосования.

Это был первый выход представителей испанского антифранкистского лагеря на международную арену, начало их кампании по налаживанию связей и поиску международной поддержки.

Накануне конференции Хунта подготовила обширный меморандум, который начинался словами: «Испанская хунта освобождения обращается ко всем странам участникам Ассамблеи, с тем чтобы они специально рассмотрели испанский вопрос... Испанский фалангизм является порождением германского нацизма и итальянского фашизма. Было бы непоследовательным со стороны демократических стран терпеть его или даже покровительствовать ему».

В меморандуме впервые были в развернутом виде сформулированы те положения, которые впоследствии использовались сторонниками устранения Франко на всех международных форумах для обоснования законности вмешательства в испанские дела:

- 1) гражданская война в Испании была начата и поддержана Гитлером и Муссолини;
- 2) во время Второй мировой войны Франко сотрудничал со странами «оси», это прикрывалось статусом «невоюющей стороны»;
- 3) сам Франко считал свой режим фашистским;
- 4) устройство фалангистского государства идентично другим тоталитарным государствам;
- 5) большая часть испанцев объявлена вне закона;
- 6) испанский режим определил как фашистский посол США; и т.п. (9).

На учредительную конференцию ООН прибыли известные деятели Республики – И. Прието, Х. Альварес дель Вайо, А. де Альборнос, Г. Ордас и др. Они сделали все, чтобы вручить свой меморандум каждой делегации, представителям газет, телеграфных агентств, радиостанций. В общем плане поддержку их требованиям выразили делегации Франции, Бельгии, СССР, Чехословакии, Югославии.

Как сообщает историк А. Харке Инигес со ссылкой на архивные источники, Альварес дель Вайо, бывший министр иностранных дел, встретился с В.М. Молотовым и прямо обратился к нему с просьбой поставить перед конференцией испанский вопрос. Однако «позиция главы советской дипломатии была уклончива... Он ответил, что еще не пришло время для выдвижения этого вопроса. Вначале мировое сообщество должно высказаться в отношении режима Франко» (10).

Сначала английская и американская делегации настороженно, если не враждебно, отнеслись к деятельности ИХО (видимо, подозревая эту организацию в радикализме). Среди американцев ее поддержал, однако, Н. Рок-

феллер, который заявил ее членам: «Самое главное – избегайте любых политических контактов с коммунистической партией, в противном случае ваше дело будет неминуемо проиграно» (11).

Образованный в США незадолго до этого Американский комитет за Испанскую республику организовал для делегации ИХО две пресс-конференции, 21 мая и 9 июня, которые прошли при большом стечении журналистов и общественности. На одной из них И. Прието изложил свое видение будущего процесса восстановления Республики. Он может, заявил Прието, пройти в четыре этапа: первый – осуждение режима Франко конференцией в Сан-Франциско; второй – разрыв дипломатических отношений с ним всех членов ООН; третий – образование временного правительства при участии кортесов; и, наконец, признание этого правительства Объединенными Нациями. Прието подчеркнул, что последнее – международное признание правительства в эмиграции – будет иметь решающее значение (12).

Помимо членов ИХО на конференцию прибыл и Х. Негрин, который, со своей стороны, обратился с нотой о необходимости разрыва дипломатических отношений с Франко к четырем великим державам. Предложение номинального главы правительства членам Хунты о встрече и проведении переговоров Прието отверг (13).

Там же, в Сан-Франциско, накануне голосования по испанскому вопросу, сделал свое знаменитое заявление, столь воодушевившее республиканский лагерь, будущий английский премьер Клемент Эттли. Обращаясь к членам ИХО, он сказал: «Я думаю, что предложение Меконки не пройдет, но пусть вас это не очень беспокоит. Мы, лейбористы, победим на ближайших выборах и после этого, порвав с правительством Франко, предоставим вам самую значительную помощь, большую, чем какая-либо другая страна» (14).

Резолюция прошла, но следующая часть этого прогноза осуществилась лишь наполовину: на выборах лейбористы победили, однако в отношении «испанской» политики им пришлось далеко отойти от своих предвыборных обещаний. Уже в Потсдаме К. Эттли, прибывший на смену Черчиллю, полностью согласился с весьма сдержанной декларацией по Испании, выработанной под влиянием своего предшественника.

В августе 1945 г. Гарольд Ласки, председатель Национального исполнительного комитета лейбористской партии, почти повторил заявление Эттли, уверяя, что «испанские республиканцы вернутся домой через несколько месяцев или даже недель... Британское правительство сдержит свое обещание, сделанное во время предвыборной кампании относительно помощи испанской Республике...». И тут же получил отповедь со стороны британского премьера, заявившего, что Ласки высказал только свое частное мнение (15). Министр иностранных дел Э. Бевин поспешил тогда же заявить о сохранении верности нового кабинета политике невмешательства в испанские дела.

Тем не менее, именно после победы британских лейбористов политические процессы в испанской эмиграции резко активизировались.

Вернувшиеся в Мексику лидеры ИХО решили поддержать республиканские кортесы как единственный орган, способный сместить Франко. Программой дальнейших действий должен был служить план, изложенный Прието в Сан-Франциско, т.е. четыре этапа, первый из которых можно было посчитать уже выполненным (фактическое осуждение испанского режима учредительной конференцией ООН). На повестку дня встал вопрос об образовании правительства в изгнании.

В июле 1945 г. в Мексику с той же целью – содействовать воссозданию республиканских институтов – прибыл и Х. Негрин. Он заявил, что было бы большой ошибкой отвергать то правительство, которое он возглавляет, избранное еще в годы гражданской войны испанским народом, и создавать новое, которое не будет иметь авторитета. Он предложил, чтобы депутаты кортесов провели голосование о доверии его правительству.

Однако социалисты во главе с Прието выступили против и призвали следовать другому процедурному порядку. В результате Негрин был вынужден подать прошение об отставке созданному 17 августа собранию депутатов кортесов (в составе 96 чел.) во главе с Мартинесом Баррио – «президентом республики».

После этого депутаты рассмотрели две кандидатуры на пост премьер-министра – того же Негрина и члена республиканской партии Хосе Хиралья, основываясь на последнем (он был главой республиканского правительства в 1936 г.). Ему и было поручено формирование нового правительства.

Хиралья предложил Негрину пост вице-премьера, но тот не принял этого предложения, сославшись на непреодолимые политические разногласия.

Испанские коммунисты вначале отказались признавать правительство Хиралья, так как их устраивал только готовый сотрудничать с ними Негрин. Прието также отказался от министерского поста, желая сохранить свободу рук, и, видимо, имея информацию, что ни англичане, ни американцы не спешат поддерживать Хиралья. Не исключено также, что он сам претендовал на пост премьер-министра. Вскоре Испанская хунта освобождения распустилась, посчитав свою задачу выполненной.

К ноябрю 1945 г. республиканское правительство было сформировано и готовилось приступить к решению главной своей задачи: убедить великие державы и «мировую общественность» сместить Франко и восстановить в Испании республику (16).

В него вошли в основном представители республиканских партий, каталонских и баскских националистических партий, а также несколько членов ИСРП, ВСТ, беспартийных (ни одной «знаковой» фигуры среди них не было).

Хиралья заявил, что правительство представляет максимально широкий политический спектр, хотя это, конечно, было далеко не так. Как политический, так и персональный состав республиканского органа не выглядел убедительным ни для Запада, ни для Востока.

Интересно, что обстоятельства появления правительства Хиралья были достаточно подробно изложены в справке, составленной заместителем заве-

дующего 1-м Европейским отделом НКВД СССР А. Кулаженковым уже 30 августа и предназначенной для рассылки В.М. Молотову и его заместителям А.Я. Вышинскому, В.Г. Деканозову и С.А. Лозовскому. Упор в ней делался на противоборстве Негрина и Прието: подчеркивалась большая предварительная работа бывшего премьера по «объединению всех республиканских сил», противодействие ему со стороны Испанской хунты освобождения и «реакционный» характер сформированного под ее влиянием правительства.

Сообщалось, в частности, что «судя по всей деятельности и поведению Негрина, он был уверен в том, что формирование нового правительства будет поручено ему. За несколько дней до сессии кортесов он посетил советское посольство в Мексике и в беседе с поверенным в делах заявил, что новое правительство будет очень скоро признано некоторыми странами Латинской Америки и что было бы хорошо, если бы советское правительство подтвердило неизменность своего отношения к законному республиканскому правительству, с которым никогда не прерывало дипломатических отношений...» (17).

Крайне негативно оценивалась в этом документе роль И. Прието: «Во время переговоров и пребывания Негрина в Мексике с представителями других партий и групп, лидер Испанской хунты освобождения Прието находился в США, где добивался установления тесных связей с реакционными американскими элементами и организациями... По сообщению бывшего министра иностранных дел Альвареса дель Вайо в беседе с т. Якубовским (советский поверенный в делах. – А.С.), ...сторонники Прието всячески подчеркивали, что новое английское правительство изгонит Франко из Испании и посадит там «правительство Прието», тем самым делая намеки на наличие соглашения между лейбористами и Прието».

На основе этого автор справки делал вывод: «Можно предполагать, что испанское правительство Хиралья образовано при активной поддержке американско-английских кругов, заинтересованных в создании правительства из представителей правых эмигрантских групп без участия представителей демократических кругов испанской эмиграции и в первую очередь коммунистов» (18).

Конечно, эти оценки были чисто идеологическими и не отражали реальной позиции английских и американских правительственных кругов. Тем не менее – характерный момент: советская сторона негативно относится к появившемуся эмигрантскому правительству уже потому, что оно имеет контакты с англичанами и американцами.

О том, насколько неопределенной была ситуация с образованным в Мексике органом, говорит оценка, данная ему в докладе адмирала Карреро Бланко (август 1945 г.) – правой руки Франко: «Англия и Соединенные Штаты не признают это ублюдочное эмигрантское правительство, потому что оно прокоммунистическое, тем более – если его признает Сталин (хоть бы он это сделал)» (19).

Несмотря на то что советская реакция на образование правительства Хиралья была более чем прохладной, уже 13 сентября министр иностранных

дел этого правительства Ф. де лос Риос (который в цитированной выше справке назывался в ряду самых реакционных и антисоветски настроенных деятелей) обратился к Молотову с просьбой, чтобы испанский вопрос был рассмотрен на Совещании министров иностранных дел великих держав, которое должно было состояться в Москве в декабре 1945 г. Он указывал на противоречие между «принципами, провозглашенными в Сан-Франциско и утвержденными в Потсдаме, и позицией, занимаемой многими странами, которые... продолжают поддерживать с франкистской Испанией дипломатические и др. отношения». Это, по мнению Ф. де лос Риоса, принижало значение ООН, ставило «под угрозу принципы международного порядка и порядка вообще». Именно в силу этого испанское республиканское правительство должно получить международное признание «в противоположность незаконному режиму Франко» (20). Однако СМВД, как известно, не рассматривал испанский вопрос.

В ноябре 1945 г. Хираль выступил на заседании депутатов кортесов с весьма примечательным заявлением. Его правительство предпочло бы, сказал он, чтобы франкистский режим был устранен без кровопролития, но не остановится перед использованием силы, если все другие возможности будут перекрыты (эта мысль особо подчеркивалось в донесении из Мексики британского дипломата министру Э. Бевину) (21).

Кортесы выразили свое доверие правительству Хиралья, но выступивший там же Прието заявил, что оно было образовано с нарушением конституции, а социалисты могут в нем участвовать лишь временно, до того момента, когда станет возможным «другой способ» разрешить испанский вопрос. Позиция Прието стала, таким образом, одним из важнейших факторов слабости правительства Хиралья.

Вскоре лидер социалистов разъяснил, как он представляет себе этот «другой способ»: после свержения Франко должно быть образовано «нейтральное» временное правительство, распущена фаланга, освобождены политзаключенные, возвращены беженцы, восстановлены свободы и, наконец, *проведен плебисцит*, на котором и будет решен вопрос о будущем политическом режиме – быть Испанией республикой или монархией (22). Новый подход Прието, ставший шоком для многих, повлек новые расколы в рядах оппозиции, в том числе и внутри эмигрантского правительства, и внутри самой социалистической партии, большая часть которой продолжала оставаться верной делу Республики.

Со своей стороны правительство Хиралья опубликовало манифест, в котором провозглашались его программные цели.

1. Будущее устройство страны должно быть республиканским; исключаются всякие переговоры с режимом Франко, не следует также проводить плебисцит, который может иметь результатом одобрение монархии, которая уже скомпрометировала себя.

2. То, что принципы, провозглашенные в Атлантической хартии, на конференции в Сан-Франциско, в Потсдаме, в программных заявлениях

лейбористской партии, декларациях президента Трумэна в отношении Испании, не были реализованы, связано с отсутствием единства между великими державами в отношении будущего испанского режима.

3. Среди испанской эмиграции нет никаких сомнений в отношении легитимности республиканского правительства, и это известно Организации Объединенных Наций.

4. Движение сопротивления в Испании ждет, когда ООН приступит к практическому осуществлению своих основополагающих идей.

Манифест заканчивался на патетической ноте: «История не простит тех, кто, зная бескровный путь к цели, отказался следовать по нему» (23).

В этом документе, помимо бескомпромиссной приверженности республике, обращают на себя внимание два ключевых момента: во-первых, правительство Хиралья связывало главные свои надежды на том этапе с Организацией Объединенных Наций как новым международным институтом, потенциал которого представлялся беспрецедентно весомым; во-вторых, оно не «открещивалось» от движения сопротивления внутри Испании, т.е. партизанского движения прежде всего, хотя и высказывалось в отношении него достаточно осторожно. Позиция, отраженная в официально распространенном для «мировой общественности» документе, была гораздо более сдержанной по сравнению с декларацией Хиралья в кортесах. Однако западные «союзники» не могли не сделать вполне определенных выводов, и отныне для них вопрос о поддержке и признании эмигрантского правительства уже фактически не стоял.

Хираль, конечно, не был радикалом, но нельзя говорить о том, что он с самого начала ориентировался на Великобританию и США. Он, видимо, искренне пытался придерживаться некоей средней линии между западными державами и СССР, рассчитывая на то, что в новых условиях сыграет свою роль массовая поддержка «рядовых» членов мирового сообщества, настрой общественного мнения, санкции ООН. Известно, что еще в период формирования правительства его глава получил обращение 10 тыс. бывших военнослужащих республиканской армии, которые заявляли, что ожидают только «приказа и оружия» (24). С этим путем решения испанской проблемы были связаны планы значительного сектора испанской эмиграции. Хираль же счел необходимым не поддерживать прямо подобные намерения.

Позиция Хиралья была «гибкой», отнюдь не такой однозначной, как, например, у И. Прието. Это связано с теми перспективами, которые, казалось, открывала перед испанской эмиграцией широко развернувшаяся с конца 1945 г. международная антифранкистская кампания и ведущая роль в этой кампании решительно настроенных Франции и СССР.

Начало ей было положено 12 декабря 1945 г., когда французский министр иностранных дел Жорж Бидо вручил американскому и британскому послам ноты с предложением разорвать дипломатические отношения с франкистской Испанией. Был в ноте поставлен и вопрос о том, что трем

державам следует определиться в отношении республиканского правительства в изгнании во главе с Хиралем (25). Сами французы колебались, а их союзники предпочли тогда оставить этот вопрос открытым.

Однако вполне определенный ответ прозвучал уже 20 декабря на встрече в госдепартаменте США между Дж. Данном и Ф. де лос Риосом. Испанец не просто просил у Вашингтона признать правительство Хиралья, но заявил, что иначе тому придется пойти на сотрудничество с коммунистами, чтобы получить признание Советского Союза. Данн в ответ заявил, что отношения между США и Испанией постоянно ухудшаются, не исключен и разрыв дипломатических отношений. Однако признание Вашингтоном правительства Хиралья невозможно, так как оно представляет только одну из сторон, участвовавших в гражданской войне (26).

Антифранкистская кампания нарастала, и на повестке дня открывшейся в Нью-Йорке первой сессии Генеральной Ассамблеи ООН уже готов был появиться испанский вопрос, когда в госдепартаменте США был принят сам Хираль. 6 февраля 1946 г. состоялась его встреча и беседа с главой западноевропейского отдела П.Т. Кальбергоном. Хираль следующим образом изложил свой план действий: «В отсутствие мирного решения испанской проблемы республиканцы приготовились к тому, чтобы вырвать его у Франко в борьбе. По всей Испании имеется большое количество оружия, а движущей силой в этой борьбе станут партизаны, находящиеся в настоящее время в стране, рабочие союзы... и испанские беженцы во Франции, особенно те, кто сражался в отрядах маки во время войны.

По мере того как будет нарастать давление из-за рубежа, а также внутри страны, Франко придет к заключению, что он ничего не сможет достичь, оставаясь у власти, и будет готовиться к тому, чтобы передать власть другому правительству... К тому времени мексиканская группа обоснуется как правительство вблизи испанской границы, отставка Франко вызовет в Испании народное движение, в результате которого республиканское правительство установит свою власть в Мадриде» (27).

В своих апелляциях к «мировой общественности» Хираль делал упор на безоговорочном отождествлении режима Франко с фашизмом в его самых бесчеловечных проявлениях. В опубликованной вскоре ноте он утверждал: «Правительство Республики призывает весь цивилизованный мир, правительства Объединенных Наций обратить внимание... на то, что их страны продолжают поддерживать дипломатические отношения с правительством преступников, которое использует методы, применявшиеся в Маутхаузене и Бухенвальде, и чье место – только на скамье подсудимых» (28).

Продолжая подчеркивать связь между режимом Франко и германо-итальянским блоком в период Второй мировой войны, Хираль предполагал представить республиканский лагерь как жертву фашистской агрессии, а не просто как сторону, проигравшую в гражданской войне. Ту же подоплеку имело и педалирование тезиса о решающей роли помощи со стороны фа-

шистских государств для победы Франко. По этой логике те, кто отвергал режим Франко, должны были встать на сторону правительства Хиралья и содействовать его скорейшему приходу к власти в Испании. Однако далеко не все критики франкизма желали радикального пересмотра итогов гражданской войны и возвращения к временам нестабильной Второй республики. Западные страны устроил бы какой-либо модифицированный, «умеренный» вариант «франкизма без Франко», но если это было недостижимо, для них гораздо более предпочтительным представлялся существующий режим, чем эфемерные комбинации эмигрантских политиков, не имевших опоры внутри страны.

Не добившись сближения с США и Великобританией, Хираль в феврале 1946 г. решает ввести в состав своего правительства коммуниста Сантьяго Каррильо и заявляет о своей готовности поддержать силовые методы борьбы с франкистской диктатурой. Таким образом, он попытался связать будущее эмигрантского правительства с возможной поддержкой со стороны СССР.

Кульминацией международной антифранкистской кампании стало включение испанского вопроса в апреле 1946 г. в повестку дня заседаний Совета Безопасности ООН. Инициатором выступила Польша (за которой стоял Советский Союз), а основанием послужило обвинение Испании в том, что она представляет «угрозу миру»: это обеспечивало возможность применения к ней международных санкций (29). В Совете Безопасности Советский Союз и Польша выступили за разрыв дипломатических отношений с Франко, что было необходимо и для официального признания в дальнейшем какого-либо альтернативного испанского правительства.

4 мая Х. Хираль направил телеграмму В.М. Молотову «от имени правительства Испанской Республики и всех испанских республиканцев» с выражением «живейшей признательности за позицию делегата СССР в Совете Безопасности господина Громыко, требовавшего принятия более практических мер против франкистского режима, что является единственным эффективным средством уничтожения тирании, угнетающей нашу страну» (30).

Через несколько дней Хираль уже сам выступал с трибуны ООН – на заседании созданного по решению Совета Безопасности Подкомитета по испанскому вопросу. Он не только поддержал все обвинения против Франко, выдвинутые Польшей и СССР, но и попытался расширить их список. Как и другие страны – члены ООН, Хираль вручил Подкомитету свой меморандум, изобличающий «угрозу миру» со стороны франкистского режима. Сам факт, что главе эмигрантского правительства была предоставлена возможность заявить о себе на столь высоком уровне, говорил о том, что мировое сообщество не отвергает с порога этот орган. Казалось, благодаря авторитету новой «организации мира» дело признания правительства Хиралья уже готово сдвинуться с мертвой точки, если не через Совет Безопасности (кото-

рый так и не сумел принять какой-либо содержательной резолюции по Испании), то через Генеральную Ассамблею.

К этому времени «Республика в изгнании» уже поддерживала дипломатические отношения с рядом государств: среди латиноамериканских это Мексика, Гватемала, Панама и Венесуэла. После того как членом правительства Хиралья стал коммунист, его также признали большинство восточноевропейских союзников СССР – Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния и Югославия. Однако перспективы установления дальнейших контактов были невелики. Так, известно, что на встрече Хиралья с В.М. Молотовым в октябре, накануне сессии Генеральной Ассамблеи ООН, глава советского МИДа заявил: «Не просите меня о признании вашего правительства Советским Союзом, мы не имеем такой возможности. Вас уже признали все социалистические страны, это все, что мы могли сделать» (31). В Москве, конечно, не собирались делать ставку на слабый и малоавторитетный орган, даже в пропагандистских целях.

18 июля, в десятую годовщину начала франкистского мятежа, 105 британских депутатов, представлявших разные партии, направили заявление в английскую прессу: «Мы считаем нынешнее испанское правительство незаконным... Мы хотели бы выразить наше доверие правительству Хиралья, а также надежду на то, что недалеко то время, когда земля Испании будет освобождена от фашистской тирании. Мы настойчиво просим наше правительство сделать все от него зависящее и добиться от ООН оказания помощи испанскому народу, так чтобы он смог вернуть себе свободу» (32).

Вряд ли подобные обращения могли сдвинуть английский кабинет с его непоколебимых позиций (особенно если учесть, что проявившие инициативу депутаты составляли лишь небольшую часть Палаты общин), но сам премьер-эмигрант придавал таким акциям подчеркнуто большое значение.

28 июля Хираль посетил Лондон и в выступлении перед группой парламентариев выразил благодарность за поддержку, вновь охарактеризовал свое правительство как «подлинное выражение испанской демократии» и, наконец, провел традиционную, не вполне корректную, аналогию: «Когда европейские народы были освобождены от оккупации фашистских армий, законные правительства в изгнании пришли к власти. Мы, испанские демократы, имеем право надеяться, что то же произойдет и в Испании, когда ее земля будет освобождена от оккупационных фашистских сил» (33).

7 августа Хираль выступал перед пригласившей его Комиссией по иностранным делам французской Конституционной Ассамблеи нового состава (председателем Комиссии был коммунист Марсель Кашен). Он выразил надежду на решения предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН, которая даст должную оценку режиму, представляющему «угрозу миру», а испанское движение сопротивления «во много раз усилится в случае мощного международного давления на Франко» (34).

Хиралю так и не удалось добиться аудиенции ни во французском, ни в британском министерстве иностранных дел.

Ему оставалось уповать только на «коллективные действия международной демократии», т.е. Генеральную Ассамблею, которая могла оказаться более решительной в отношении санкций против Испании, чем Совет Безопасности полугодом ранее. На уже упоминавшейся встрече с Молотовым премьер просил его обеспечить возможность рассмотрения испанского вопроса Генеральной Ассамблеей, где он рассчитывал, с учетом настроений в мире, набрать две трети голосов «в пользу рекомендации о разрыве членами ЮНО [ООН] дипломатических отношений с Франко» (35). Тогда же правительство Хиралья выпустило манифест, адресованный «всем испанцам», в котором безоговорочно высказывалось за мирный путь в деле восстановления свободы и республики, с участием ООН (36).

Таким образом, накануне сессии Генеральной Ассамблеи Хираль убрал радикальные моменты из своих публичных заявлений, с тем чтобы предстать как умеренный, ответственный политик.

В Генеральной Ассамблее Хираль лично работал со многими делегациями для того, чтобы набрать нужные голоса в поддержку резолюции по Испании. Антифранкистская резолюция была принята Генеральной Ассамблеей 12 декабря, в ней рекомендовалось всем странам отозвать своих послов из Испании, формально не разрывая с ней дипломатических отношений. Однако существующее правительство в изгнании в резолюции вообще не упоминалось, что и возвестило конец его политической жизни.

Уже через два дня в Мехико выступил с докладом Индалесио Прието, который обрушился с резкой критикой на главу правительства в изгнании и одновременно выдвинул идею союза между социалистами и монархистами. Он доказывал, что лучшим способом изгнания Франко было бы способствовать британским усилиям по формированию временного правительства из числа «умеренных» – центристов и правых. Он высказался за то, чтобы ИСРП отозвала своих представителей из республиканского органа, не выполнившего своей миссии.

Под давлением социалистов правительство Хиралья ушло в отставку 22 января 1947 г. Хиралья сменил социалист, генеральный секретарь партии Родольфо Льопис. От компартии в его состав вошел В. Урибе.

Это правительство высказалось за «волеизъявление народа» в деле выбора политического режима. Оно рассчитывало на поддержку английских лейбористов, получило признание французской Законодательной Ассамблеи, но уже 6 августа Льописа сменил Альваро де Альборнос. В его правительстве не было ни социалистов (которые решили начать переговоры с монархистами), ни коммунистов (которые подверглись остракизму с началом «холодной войны»), только представители республиканских партий.

Альборнос был главой правительства до конца 1950 г., но в течение всех этих лет он так и не сумел добиться того, чтобы его голос хоть как-то прозвучал на международной арене.

Таким образом, испанский вопрос стал одним из первых пробных камней для проверки границ возможностей и реальных полномочий Организации Объединенных Наций. И эти границы оказались далеко не столь широки, как ожидалось многими, в том числе испанскими республиканцами. По-прежнему главные механизмы принятия решений остались в руках великих держав, которые исходили из своих собственных интересов. Надежды испанской оппозиции на то, что кто-то будет, при ее собственной (оппозиции) очевидной слабости, отстаивать интересы «испанской демократии», были, по меньшей мере, наивны.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) См.: *Сагомонян А.А.* Партизанская борьба в Испании в 1940-е гг. Новые архивные материалы // *Новая и новейшая история*. – 1996. – № 1. – С. 230–234.
- (2) *Pike D.* In the service of Stalin. The Spanish Communists in Exile. 1939–1945. – Oxford, 1993. – P. 14, 35.
- (3) *Stein L.* Beyond death and exile. The Spanish Republicans in France, 1939–1955. – Cambridge. Harvard Univ. Press, 1979. – P. 45.
- (4) *Pike D.* In the service of Stalin... – P. 282.
- (5) *Stein L.* Beyond death and exile... – P. 135.
- (6) *Valle J.M. del.* Los instituciones de la Republica Española en exilio. – P., 1976. – P. 84–88.
- (7) *Pike D.* In the service of Stalin... – P. 158.
- (8) *Lleonart y Anselem A.J. et al.* España y ONU. – Vol. I. 1945–1946. La «cuestión española». Documentación básica. – Madrid, 1978. – P. 30.
- (9) *Ibid.* – P. 91–98.
- (10) *Jarque Iñigues A.* «Queremos esas bases». El acercamiento de Estados Unidos a la España de Franco. – Alcalá, 1998. – P. 77.
- (11) *Valle J.M. del.* Los instituciones... – P. 103.
- (12) См.: *España (Mexico)*. – 9.06.1945.
- (13) *Stein L.* Beyond death and exile... – P. 199.
- (14) *Valle J.M. del.* Los instituciones... – P. 109–110.
- (15) *Stein L.* Beyond death and exile... – P. 187.
- (16) *Valle J.M. del.* Los instituciones... – P. 113–119; *Stein L.* Beyond death and exile... – P. 197–198; *El Exilio. Español de 1939*. – Т. II; *Tuñon de Lara M, Marichal J., Giral F. et al.* Guerra y Política. – Madrid, 1976. – P. 205.
- (17) Справка. К образованию испанского эмигрантского правительства в Мехико. 30 августа 1945 г. – Архив Внешней Политики Российской Федерации (далее – АВП РФ). – Ф. 06. – Оп. 7. – Ед. хр. 34. – Д. 490а. – Л. 3.
- (18) Там же. – Л. 4, 6.
- (19) Цит. по: *Portero F.* Franco aislado: la cuestión española (1945–1950). – Madrid, 1989. – P. 105.
- (20) АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 7. – Ед. хр. 34. – Д. 490а. – Л. 23–24.
- (21) *Jones R.B.* The Spanish Question and the Cold War. 1944–1953. Ph. D. thesis. – L., 1987. – P. 110.
- (22) *Alba V.* Historia de la Resistencia Antifranquista (1939–1955). – Barcelona, 1978. – P. 226.

- (23) Jones R.B. The Spanish Question... – P. 110.
(24) El Exilio Español de 1939. – Т. II. Guerra y Política. – P. 210.
(25) Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1945. – Vol. V. – Washington: US Gov. Print Off., 1967. – P. 698.
(26) Ibid. – P. 705; El Exilio Español de 1939. – Т. II. Guerra y Política. – P. 210.
(27) Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1946. – Vol. V. – Washington: US Gov. Print Off., 1969. – P. 1036–1037.
(28) Valle J.M. del. Los instituciones... – P. 154.
(29) См.: Сагомонян А.А. Испанский вопрос в ООН в 1946 г. // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 32–50.
(30) Телеграмма Х. Хиралы из Парижа В.М. Молотову. 4 мая 1946 г. // АВП РФ. – Ф. 06. – Оп. 6. – Д. 534. – П. 34. – Л. 14.
(31) El Exilio Español de 1939. – Т. II. Guerra y Política. – P. 112.
(32) Ibid. – P. 192.
(33) Ibid. – P. 193.
(34) Ibid. – P. 195.
(35) АВП РФ. – Ф. 433. – Оп. 1. – Ед. хр. 1. – Д. 19 (1946). – Л. 50.
(36) El Exilio Español de 1939. – Т. II. Guerra y Política. – P. 215.

SPANISH GOVERNMENT IN EXILE (1945–1946). COLLAPSE OF THE ANTI-FRANCOIST PROJECT

A. Sagomonyan

Department of Theory and History of International Relations
Moscow State Linguistic University
Ostozhenka Str., 38, Moscow, Russia, 119992

The article discusses the history of the Spanish government in exile formed in 1945 by politicians of the Second Spanish Republic which was defeated in the Civil War (1936–1939). After the end of the World War II a significant part of the Spanish emigration attempted to eliminate the Franco dictatorship through the support of the Great Powers as well as through the newly established United Nations. However, the divisions in emigrant political circles were insurmountable, the newly-formed government had little support, and its collapse was inevitable.

Key words: Spain, government in exile, J. Giral, I. Prieto, J. Negrin, C. Attlee, the United Nations.